

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КАК СПОСОБ ЭКОНОМИИ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

Одним из проявлений российской государственности в начале XX в. оставалась дискриминационная политика по отношению к национальным меньшинствам. Яркий пример — еврейская «черта оседлости» и ряд других узаконений, ограничивающих права евреев по национальному признаку. В настоящее время лишь отдельные политические маргиналы пытаются оправдать «правильность» подобной политики. Так, активист экстремистской организации «Армия воли народа» в газете «Дуэль» пересказывает мифы о еврейском народе, рожденные еще черносотенцами. «В царской России купцы и евреи не допускались до государственной службы. Почему: бизнес и интеллект несовместимы, то есть бизнесмены всегда думают только о собственном кармане и в принципе неспособны думать о государственных интересах и интересах общества»¹. Уже фраза о несовместимости бизнеса и интеллекта принципиально переводит дискуссии с подобными «мыслителями» в разряд прикладной психиатрии. Однако есть и исторические свидетельства, опровергающие эти полуфашистские домыслы.

Обратимся к такому правовому институту Российской империи, как пенитенциарная (тюремная) система. В 1862 г. предпринимались первые шаги по подготовке комплексной тюремной реформы, которая была призвана создать в России централизованное управление пенитенциарными учреждениями и выработать единые правила содержания арестантов, дающие наибольший эффект по части нравственного исправления преступников. Для этого чиновники Министерства внутренних дел тщательно изучили опыт ряда стран Запада. Были предприняты многочисленные поездки в новейшие тюрьмы Бельгии, Великобритании, Германии, Франции, США. Закончилось все «Высочайше утвержденным мнением Государственного совета» от 18 августа 1862 г., которое фактически перечеркнуло теоретические изыскания ученых-

пенитологов. Главной целью была провозглашена экономия казенных средств. В частности, предписывалось, чтобы в каждом регионе империи действовала своя, наиболее оптимальная для данной местности тюремная система «без значительных пожертвований и без увлечения несостоятельными теориями»².

Если проследить дальнейший ход тюремных преобразований, становится очевидным: во главу угла была поставлена именно экономия казенных средств. Порой она приобретала, правда, и вовсе нелепые формы. Так, в 1910 г. ярославский губернский тюремный инспектор издал несколько циркуляров, предписывавших начальникам тюрем губернии беречь казенные средства. В документе от 22 мая указывалось, как следует экономить на продовольствии заключенных. Руководитель губернской тюремной инспекции предлагал начальнику тюрьмы: «Поезжайте один, лично, раз-другой на рынок, поторгуйтесь, делайте покупки за наличный расчет»³. Чуть позже инспектор обратил внимание на такой факт: даже рапорты «в несколько строк» часто пишутся на бумаге формата «ин-кварто» (соответствует нынешнему А4). Отныне начальники тюрем должны были еще следить и за соответствующей резкой бумаги для коротких сообщений на меньшие форматы⁴.

Одним из наиболее проверенных способов экономии средств оставалась урезка заработной платы сотрудникам ведомства. Так, А.В. Горожанин указывает на низкий социальный статус полицейских служителей: «Оплата нижних полицейских чинов во многих местностях была гораздо скромнее заработка среднего сельского рабочего, а становой пристав получал меньше любого конторщика солидной купеческой конторы. ...Наиболее способные полицейские, особенно из нижних чинов, уходили со службы при первой же возможности»⁵. Аналогичной была и ситуация в тюремном ведомстве, подчинявшемся Министерству юстиции: оплата труда сотрудников пенитенциарной системы была одной из самых низких в империи и росла чрезвычайно медленно⁶.

В государственном архиве Ярославской области сохранилось крайне любопытное личное дело, свидетельствующее о том, что при реализации подобной политики чиновничество широко использовало и заложенные в

законодательстве Российской империи феодальные пережитки, типа ограничения прав евреев по национальному признаку. Об этом свидетельствует дело тюремного врача И.М. Певзнера⁷. Из него следует, что Ицко Мордухович (Ицхак Мордухаевич) Певзнер родился в 1868 г., происходил из «мещан-евреев», но сумел «выбиться в люди» и получить прекрасное образование – окончил «курс медицинских наук в Императорском Московском университете». Поскольку для получения права на жизнь в Центральной России было необходимо состоять на государственной службе, Ицхак Мордухаевич пошел в армию и в 1902 г. числился «состоящим в запасе чиновников военно-медицинского ведомства». Жил и работал (занимался частной врачебной практикой) в г. Рыбинске. Серьезной проблемой врача был выбор религии. Однако Певзнер не стал принимать православие, сохранив иудейское вероисповедание предков.

31 марта 1902 г. ярославский губернатор и губернский тюремный инспектор подали совместное прошение в Главное тюремное управление, где говорилось: «Рыбинское отделение Общества попечительного о тюрьмах вследствие ухода бывшего тюремного врача Скобе временно пригласило на вакантную должность врача Певзнера. Ныне означенное Отделение вышло с ходатайством об утверждении вышеназванного Певзнера в должности врача при Рыбинской тюремной больнице, который заявил желание принять на себя эту обязанность безвозмездно, с предоставлением ему лишь прав государственной службы».

В значительной мере это стало расплатой за сохранение вероисповедания. Известный современный исследователь русско-еврейских отношений А.М. Буровский отмечает, что крещение было непременным условием для поступления еврея на русскую государственную службу, и называет имя «единственного офицера-иудаиста Российской империи» – Герцеля Янкеля Цама – выпускника одной из печально известных «кантонистских школ»⁸.

Между тем особенно циничной выглядит эта экономия на фоне общего низкого уровня оплаты труда. Когда в 1917 г. заметно ослабла внутренняя дисциплина, сотрудники российских пенитенциарных учреждений стали

заявлять о своих правах. В частности, фельдшеры ярославской временно-каторжной тюрьмы в июле подали прошение в Главное тюремное управление с копиями в Ярославское общество фельдшеров и во вновь созданное Министерство труда. «Насколько плохо оплачивается труд тюремной медицины, – писали они, – можно заключить из того, что не только фельдшер, но и врач, не бывало никогда случая, чтоб он занимался в одной только тюрьме. Непременно есть еще где-нибудь служба»⁹.

4 сентября 1902 г. товарищем (заместителем) министра внутренних дел И.М. Певзнер был утвержден в должности тюремного врача и работал до июля 1904 г., когда был уволен по собственному прошению. Дальнейшее исполнение обязанностей при тюрьме, с его слов, для него «явилось обременительным». Однако не прошло и полгода, как вспомнили о «бесхозном» рыбинском еврее. С 10 октября 1904 г. Певзнер проходил действительную военную службу врачом 248-го Пехотного Осташковского полка. Служба при тюрьме была, по видимому, все же легче. Не случайно 20 сентября 1905 г. Ицхак Мордухаевич вновь вступил в обязанности тюремного врача г. Рыбинска.

Некоторые поощрения все же имели место. В сентябре 1905 г. Певзнеру присвоили классный чин коллежского асессора, дававший право на личное дворянство. В 1910 г. по выслуге лет он получил более высокий чин — надворного советника (соответствовавший армейскому званию подполковника) и был пожалован орденом Св. Станислава III степени. Только тогда врача стали поощрять материально: за работу в тюрьме Певзнеру стали платить из специальных средств тюремного комитета (т. е. из доли арестантского заработка, шедшей в доход тюрьмы, а не из средств Министерства юстиции) 240 руб. в год. В Ярославле столько получал в те годы младший тюремный надзиратель.

Условия труда с учетом частной практики, приносившей основной доход, были тяжелыми: в 1913 г. Певзнер попросил 6-недельный отпуск для лечения с сохранением содержания. Причиталось ему, как нетрудно подсчитать, за 1,5 мес. 30 руб. (столько зарабатывал рабочий Ярославской большой мануфактуры за 2 недели). Но в прошении ему было отказано «...за недостаточностью

экономических средств». Вместо этого поощрили, как и всех служащих тюремного ведомства, юбилейной светло-бронзовой медалью «В память 300-летия царствования дома Романовых».

Карьера тюремного врача закончилась 12 сентября 1914 г., когда Певзнер был арестован «в порядке положения о государственной охране по обвинению его в способствовании освобождению от военной службы». Обвинение не подтвердилось, но на государственную службу бывшего тюремного врача не вернули. В 1916 г. он уже работал врачом в г. Мышкине. Впрочем, возможно, Певзнер и сам оставил столь неблагодарную службу, как только отпала необходимость в «отработке» сохранения принадлежности к своей национальности. Черту оседлости отменили в 1915 г. (вопреки утверждениям еврейской литературы о ее отмене в 1917 г.)¹⁰.

В наши дни приверженцы самых разных политических взглядов сходятся в одном: именно царское правительство подготовило национальную катастрофу 1917 г. Апологет советского строя, «историк» из гидрогеологов Р.К. Баландин писал: «Самодержавия никто не свергал. Оно прекратило свое существование примерно так, как умирает дряхлый старик, для которого смертельным может оказаться даже слабое потрясение или напряжение сил»¹¹. Его оппонент либерал и профессиональный историк А.М. Буровский в этом согласен с ним. «Иногда мне кажется, что Николай II и все его правительство сознательно делали все необходимое, чтобы их свергли. Они как будто сами искали своего уничтожения»¹².

Примечания

---

¹ Мазуркевич С. Бытие определяет сознание // Дуэль. 2009. № 17 (616).

² О настоящем положении тюремного вопроса. [Б.м., б.г.]. С. 119.

³ ГАЯО. Ф. 936. Оп. 1. Д. 130. Л. 59.

⁴ См. Там же. Л. 44.

⁵ Горожанин А.В. Российская полиция на страже имперской государственности. Монография: в 2 т. Т. 2: Российская империя и ее полиция: рассвет и закат. Самара, 2004. С. 67.

---

⁶ См.: *Кочешков Г., Коняев А.* О бедном жандарме замолвите слово // *Родина*. 2008. № 7. С. 81–83.

⁷ ГАЯО. Ф. 335. О. 4. Д. 71.

⁸ См.: *Буровский А.М.* Евреи, которых не было. Курс неизвестной истории: в 2 кн. М., Красноярск, 2004. Книга II. С. 44.

⁹ ГАЯО. Ф. 335. О. 3. Д. 132. Л. 7.

¹⁰ См.: *Буровский А. М.* Указ. соч. С. 190.

¹¹ *Баландин Р.К.* Мифы революции 1917 г. М., 2007. С. 58.

¹² *Буровский А.М.* Указ. соч. С. 191.